
Ольга Бредникова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В СИТУАЦИИ МИГРАЦИИ: СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (СЛУЧАЙ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКИЕ ГОРОДА)

Семья традиционно считается одним из самых устойчивых социальных институтов. Однако именно в миграции ее устойчивость подвергается серьезному испытанию. Опыт центральноазиатских мигрантов в России показывает, что привычные представления о семейной солидарности, роли старших поколений и гендерных иерархиях не выдерживают столкновения с новой реальностью. Трудовая миграция меняет не только экономику семейных отношений, но и их социальный порядок. В условиях «жизни на расстоянии» рушатся связи с расширенной патрилокальной семьей, а нуклеарная семья обретает самостоятельность. Со временем транснациональные сети истончаются, а поездки на родину все чаще воспринимаются как отпуск, а не как воссоединение. При этом цифровые технологии, которые могли бы поддерживать связи, оказываются недостаточными для воспроизводства эмоциональной близости. Но миграция не только разрушает, она создает новые формы. Вынужденное перераспределение обязанностей и совместное решение проблем способствуют формированию партнерских отношений. Женщины, ранее зависимые от семейного бюджета, начинают зарабатывать самостоятельно и тем самым обретают агентность. Мужчины, оказавшись без поддержки расширенной семьи, берут на себя часть «женских» обязанностей. В результате возникают практики, которые еще недавно были немыслимы в патриархальной культуре регионов. В то же время миграция порождает амбивалентные эффекты. Одни семьи становятся более сплоченными, другие распадаются под давлением разлуки и бытовых трудностей. Одни женщины получают новые ресурсы для самостоятельности, другие оказываются под более жестким контролем. Эти противоречивые процессы показывают,

Ольга Евгеньевна Бредникова — к.социол. н., ст.н.с., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: bred8@yandex.ru

что миграция не укладывается ни в оптимистическую рамку «транснационализма», ни в интеграционную модель «приближения» к принимающему обществу. Семья в миграции формирует гибридные формы отношений, которые нельзя объяснить только заимствованием норм страны происхождения или принимающего общества. Эти формы рождаются в самой ситуации миграции — в повседневных практиках, где сталкиваются экономические вызовы, культурные различия и необходимость совместного выживания. Таким образом, семья мигрантов становится особым пространством социальных изменений: здесь одновременно проявляются тенденции индивидуализации и солидарности, традиции и новые сценарии. Именно в этом противоречивом опыте можно увидеть ключевые линии трансформации постсоветского общества.

Ключевые слова: мигрантская семья, внутрисемейные отношения, миграция из Центральной Азии, транснационализм, автономизация, транснациональные разрывы

Цитирование: Бредникова О.Е. (2025) Трансформация семьи в ситуации миграции: семейные практики и внутрисемейные отношения (случай мигрантов из Центральной Азии в российские города). *Журнал исследований социальной политики*, 23 (2): 233–250.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-233-250

Гульнара и Ильхом — семейная пара, у них трое детей. Они приехали из Таджикистана в Тюмень на заработки около 20 лет назад с надеждой когда-нибудь вернуться домой, однако продолжают жить в Тюмени. Здесь у них родились и выросли младшие дети, а старший сын получил образование, нашел работу и завел свою семью. Здесь у них работа и друзья. И здесь они построили большой дом, рассчитывая, что в нем, как это принято на родине, будет жить большая семья — их пожилые родители и дети со своими семьями. Сейчас мы разговариваем в почти пустом доме. В нем, кроме Гульнары и Ильхома, живет лишь дочь-старшеклассница, и та планирует уехать учиться в другой город. Старшие дети живут отдельно, а пожилые родители не хотят уезжать из своего родного дома в Таджикистане. Супруги сетуют на то, что их мечтам о многолюдном и наполненном доме, похоже, не суждено сбыться. При этом Гульнара признается, что она догадывалась еще на этапе строительства, что такой большой дом, скорее всего, будет пустовать. Этот дом — материальное воплощение ее представлений о том, какой должна быть семья — большой, многопоколенной, с общим хозяйством. И дом строился именно под такую семью. Гульнара с сожалением говорит о том, что скорее всего они с Ильхомом будут продавать дом, потому что «семья изменилась».

Миграция всегда связана с пересборкой социальной реальности: меняется социальный статус человека, привычные сценарии оказываются неактуальными, а сами мигранты осваивают новые опыты и расширяют

представления о мире. Эти трансформации затрагивают и институт семьи. Миграция порождает новые семейные конфигурации, включающие одних и исключающие других членов, формирует транснациональные семьи, живущие на расстоянии. Разлука может разрушать союзы и вести к разводам, появлению параллельных или временных браков. Увеличивается число межнациональных, межконфессиональных и межкультурных союзов, меняются модели родительства. В условиях жесткого миграционного законодательства распространяются и фиктивные браки, что также отражается на институте семьи.

В фокусе данного исследования — изменения, происходящие в мигрантских семьях. Цель — рассмотреть как миграция меняет границы семьи, семейные практики и внутрисемейные отношения. Объектом выступают мигрантские семьи из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, переехавшие в российские города в полном составе или частично, когда один из супругов и/или дети остаются на родине. Важно подчеркнуть, что миграция затрагивает всю семью, даже тех ее членов, кто не уезжал (Borisova 2024), поэтому такие семьи также можно определять как мигрантские.

Теоретический фрейм исследования

Исследования семьи имеет долгую традицию в социологии и антропологии и сопровождается обширными дискуссиями. Сегодня фокус сместился от анализа семейных ролей и функций к изучению разнообразия форм, которые принимает семья в современных обществах (Гидденс 2004). Концепция постсовременной семьи подчеркивает изменчивость ее состава и границ. Показательным примером является мигрантская семья, которая воспроизводит отношения, находясь вдали от родины, и поддерживает их в разных социальных и культурных контекстах (McCarthy, Edwards 2011).

Долгое время семья рассматривалась в тесной связи с национальным государством как его ключевая единица («ячейка»), обеспечивающая воспроизводство общества и ценностей. С ростом глобальных мобильностей (Урри 2012) семья выходит за пределы национальных границ и формирует модель транснациональной семьи, преодолевающей географические и политические барьеры и становящейся все более распространенной формой семейного устройства (Yeoh et al. 2022). Подобная подвижность устойчивого института требует переосмысления, особенно на фоне противоречивых тенденций: глобального роста миграционных потоков и одновременно усиления неоконсервативного поворота в сфере ценностей.

С 1990-х гг. миграционные исследования выходят за рамки экономического анализа, обращаясь к анализу жизненных стратегий и практик мигрантов (Korpela 2014; Ривз 2009; Sayad 2007). Миграция все чаще понимается как биографический проект или стиль жизни (Benson, O'Reilly 2009; O'Reilly, Benson 2016). Миграционные траектории нередко слабо

структурированы, а мобильность сама по себе становится смыслообразующей практикой (Бредникова 2020). В современных исследованиях также происходит отказ от «методологического индивидуализма» (Kofman 2004), предполагающего, что мигрант — это одинокий мужчина, движимый экономическими мотивами. Все больше внимания уделяется феминизации миграции и связанной с этим переоценке статуса и агентности женщин (Gnanadev 2023; Бредникова 2021; Hofmann, Buckley 2013; Zurabishvili, Zurabishvili 2010). При этом исследователи рассматривают семью как ключевого агента миграции: она не только формирует стратегии переезда, но и сама трансформируется под их влиянием (Yeoh et al. 2022). Например, Пол Бойл с коллегами показали, что в Великобритании и США семейная миграция в конце XX в. часто имела негативный эффект для женщин: переехав вместе с мужем, они часто оказывались без работы (Boyle et al. 2001). В России же рынок труда, напротив, активно вовлекает женщин-мигранток в сферу экономики заботы — уборку, уход и домашнюю работу. Такая работа становится популярной экономической нишей для мигранток из Средней Азии, стимулируя рост женской и семейной миграции в российские мегаполисы.

Сегодня транснационализм является одной из ключевых концепций в осмыслении миграции, как индивидуальной, так и семейной (Бредникова, Абашин 2021; Levitt, Schiller 2004). Этот подход показывает, что мигранты живут в расширенном социальном пространстве, выходящем за пределы национальных границ, и выступают «трансмигрантами» (Schiller et al. 1992), ведущими «двойную жизнь» (Portes et al. 1999). Трансграничные связи формируют новые реальности — «транснациональное социальное пространство» (Pries 2001) и «транснациональный габитус» (Kelly, Lusi 2006), в которых люди одновременно оказываются «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» (Абашин 2012: 10). В рамках этого подхода исследуются перемещения мигрантов, смена идентичностей и семейные отношения на расстоянии (Yeoh et al. 2022). Современные работы показывают множественность идентичностей, гендерных порядков и сосуществующих идеологий (Yeoh et al. 2022; Толстокорова 2013), трансформации родительско-детских связей (Ducu et al. 2018; Толстокорова 2013; Parreñas 2005), разнообразии трансфертов — от денежных переводов и вещей до цифровой коммуникации (Yeoh et al. 2022; Cuban 2017). При этом фиксируются и негативные эффекты: ослабление традиционных функций семьи, иждивенческие установки у родственников, оставшихся на родине, рост количества разводов (Толстокорова 2013).

Для понимания изменений в семье в условиях миграции необходимо реконструировать общий контекст институционализированных ценностей, правил и практик, характерных как для отправляющих, так и принимающих обществ. Именно правила и практики общества исхода становятся

отправной точкой при построении новой жизни в принимающей стране (Borisova 2024). В нашем случае речь идет о принципах семейных укладов Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В этих обществах, переживших войны и политические кризисы, семья становится ключевым институтом, обеспечивающим устойчивость в периоды турбулентности (Roche et al. 2020). Часто происходит обращение/возвращение к модели традиционной многопоколенной патриархальной семьи: молодые поколения остаются жить в родительском доме (в том числе по экономическим причинам), сохраняется жесткая поло-возрастная иерархия, усиливается распространение полигинии и участие родителей в организации браков детей (Karimova, Azimova 2017; Темкина 2008; Akiner 1997).

Традиционная патриархальная модель семьи служит важной рамкой для мигрантов, (вос-)создающих семью на новом месте. Однако гендерные роли могут как воспроизводиться, так и трансформироваться. Женщины из обществ с патриархальными ценностями нередко сталкиваются с негативной реакцией своего сообщества, выходя в публичную сферу и зарабатывая наравне с мужчинами (Касымова 2012). В ответ они могут стремиться восстановить статус, беря на себя традиционные роли матери и жены, заботясь о детях и муже, в том числе и дистанционно. В транснациональных семьях именно женщина чаще всего отвечает за цифровую коммуникацию, поддержание связей и создание «виртуальной семьи», при этом подвергаясь контролю со стороны родственников и супруга (Cuban 2017). В то же время принимающее общество задает иные ориентиры. В российском контексте сосуществуют патриархатные, эгалитарные и амбивалентные модели семейных отношений (Голод 2008; Авдеева и др. 2021). При этом ни одна модель не противопоставляется другой, их параллельность объясняется теорией множественных модерностей. В условиях миграции такие модели могут быть критически переосмыслены и (частично) заимствованы приезжими семьями.

Постсоветские миграции из Средней Азии в РФ активно исследуются, однако тема трансформации семей остается недостаточно разработанной, хотя она поднимается в различных публикациях, касающихся проблем интеграции мигрантов и феномена транснационализма. Например, в исследованиях В. Мукомеля семья рассматривается как важнейший фактор интеграции и часто определяется как объект миграционной политики (Мукомель и др. 2011). Существуют исследования транснациональных семей и практик, объединяющих семьи, живущих «на два дома» (см. например, Абашин 2015; Борисова 2016 и др.). Зачастую авторы отмечают разрушительную силу миграций и их негативные последствия для института семьи (Буторин, Крыжановская 2015), что, безусловно, не так однозначно, и трансформации имеют амбивалентные эффекты. Особое направление составляют исследования женской миграции, акцентирующие внимание на формировании субъектности женщин в новых условиях (Касымова 2012). В последние годы

тема миграционной семьи получает развитие, в частности в публикациях В. Пешковой. Она выявляет тенденции трансформации и отмечает диверсификацию семейных форм (Пешкова 2025). В отличие от этих подходов, данное исследование сосредоточено на рефлексии самих мигрантов относительно того, как изменилась их семья в условиях миграции.

Методология исследования

Наше внимание сосредоточено на нуклеарных семьях, проживающих в миграции совместно. Расширенные многопоколенные семьи встречаются гораздо реже, а более сложные констелляции (например, мать с детьми, сиблинги или тети и дяди с племянниками) остаются за рамками данного исследования и предполагаются к анализу в дальнейшем. При этом оставляем в стороне саму дискуссию о том, кого следует относить к нуклеарной семье (см. например, дискуссию Авдеева и др. 2021: 20–21), и рассматриваем семьи, где на момент исследования вместе в России проживали родители и дети не менее десяти лет. Как правило, такие семьи легализованы, имеют работу, дети посещают учебные заведения, а сами мигранты неплохо интегрированы в российское общество, владеют русским языком и поддерживают связи с местными жителями. Продолжительный стаж миграции и определенное дистанцирование от общества исхода позволили информантам рефлексировать над изменениями в своей семье, а исследователям — выявить основные тенденции трансформации института семьи. За рамками исследовательского фокуса остались семьи, разрушенные вызовами и проблемами, которые несет с собой миграция и которые наиболее остро встанут в первые годы жизни вдали от дома. То есть в фокусе исследования оказались позитивные истории семей, которые сохранились, хотя и пережили определенные трансформации.

Исследование проводилось в рамках качественной парадигмы и логики кейс-стади, где в центре внимания находилась вся семья как целое. В каждом кейсе проводились отдельные интервью с каждым из супругов и, при возможности, со взрослыми детьми (с 16 лет и с согласия родителей). Такой подход позволил учесть разные перспективы и создать мозаичную картину внутрисемейных отношений. Кроме того, исследование имело лонгитюдный характер: семейные пары по возможности интервьюировались трижды в течение двух лет. Серийные интервью дали возможность проследить динамику и обсудить широкий круг тем, выходящих за рамки одной встречи. Все интервью транскрибировались, и подвергнуты тематическому анализу.

В статье анализируются восемнадцать кейсов: 13 семей, проживающих в Санкт-Петербурге и пять — в Тюмени; всего проведено 54 интервью. В выборку вошли семь семей из Узбекистана, пять — из Таджикистана и шесть — из Кыргызстана. Несмотря на различия семейных паттернов, эти кейсы рассмотрены вместе, поскольку все три страны — постсоветские

государства с преобладанием мусульманской традиции и схожими нормативными брачными и семейными установками. Кроме того, именно они на протяжении многих лет являются основными «поставщиками» трудовых мигрантов в РФ, что формирует общий опыт и близкие миграционные сценарии. Цель исследования заключалась не в сравнении, а в выявлении общих тенденций трансформации семьи в ситуации миграции. В дальнейшем анализ будет сосредоточен на двух темах: разрывах транснациональных связей и автономизации нуклеарной семьи, а также изменениях семейных практиках и внутрисемейных отношениях.

Семья в транснациональных разрывах: автономизация нуклеарной семьи

Ключевым вкладом концепции транснационализма стало признание того, что мигранты, покидая дом, продолжают жить в нескольких социальных пространствах. Однако важно учитывать не только поддержание связей через границы, но и разрывы социальной ткани, особенно внутри семьи. Почти все информанты имели опыт раздельного проживания: кто-то уезжал в миграцию, а кто-то оставался на родине. Особенно тяжело переживается разлука с детьми. Женщины нередко рассказывали о ней со слезами: *«Мы по телефону, когда разговаривали [с детьми], включили телефон, просто смотрели друга на друга, ничего не говорили, просто плакали и все»* (Гулмира, Узбекистан, СПб)¹. Умеда, из Таджикистана признавалась: *«без детей живешь как мертвый»*.

Тяжелым оказывается и расставание супругов:

Честно говоря, когда первый раз приехал в Россию, я два-три месяца жил, мне было очень скучно, было тяжело. Я говорил в Москве ребятам: «Как вы живете? Это не жизнь». Для меня время остановилось. Моя жизнь, когда я приехал в Россию, я один, без жены, это время остановилось. Когда моя семья рядом, тогда моя жизнь продолжается (Ильхом, Таджикистан, СПб).

Раздельное проживание супругов и длительные расставания оказывают разрушительными для семьи. Информанты отмечали, что в отсутствие общей повседневности и совместного опыта исчезает близость, разворачивающаяся при совместной жизни. Особенно остро это переживают дети, которые постепенно «отвыкают» от отсутствующих родителей:

Потому, что дети принимали его [отца, уехавшего на заработки] как чужого дядю. Он приезжал, они просто на него смотрели — он плакал первые дни. Было тяжело, конечно <...> Потому что дети маленькие —

¹ Все имена информантов анонимизированы; после цитаты указываются имя (псевдоним), страна исхода и город проживания в России.

они принимали его как чужого дядю, боялись и стеснялись его, не общались с ним по душам, особенно сын (Роза, Кыргызстан, СПб).

В интервью со взрослыми детьми мигрантов нередко звучали драматичные воспоминания о долгой жизни отдельно от родителей. Спустя годы они оценивают этот опыт как травматичный: приходилось заново выстраивать отношения с матерью или отцом. Так, Дилноза (Узбекистан, Санкт-Петербург) 25 лет, рассказала, что мама забрала ее с собой спустя восемь лет разлуки. Несмотря на частые звонки и визиты, мама оказалась для нее «незнакомым человеком», а восстановление близости сопровождалось конфликтами, и требовало больших усилий.

По мнению информантов, именно жизнь в разлуке часто приводит к разводам и изменам, разрушающим семьи. Воссоединение всех членов и совместное проживание воспринимается ими как необходимое условие «настоящей семьи». Иначе, по мнению Ильхома, чья цитата приводится выше, «это не семья». Во многих кейсах сначала уезжал один из супругов, а затем семья приходила к решению жить вместе. Несмотря на трудности — поиск жилья, устройство детей в образовательные учреждения, — информанты подчеркивали: именно миграция семьей помогала сохранить семью и обеспечивала стабильность.

Информанты часто описывали семью через метафору дома: домом считалось место, где живут супруги и дети вместе, независимо от его местоположения. Так, для Ферузы (Узбекистан, Санкт-Петербург), «съемная однушка» стала домом лишь после того, как туда переехал старший сын и собралась вся семья.

Исследования среднеазиатских обществ показывают, что в патрилокальной системе супружеская пара остается малозависимой от себя самой и встроена в широкий круг родственников; именно расширенная семья играет центральную роль (Темкина 2008; Касимова 2012). Хотя модернизационные процессы постепенно укрепляют нуклеарную семью, миграция усиливает эту тенденцию. Почти все информанты, определяя семейный круг, называли в первую очередь супругов и детей; родители и сиблинги упоминались реже, а родители супруга/супруги — эпизодически.

Разрывы особенно заметны из-за редких визитов на родину, что ослабляет связи с широкой семьей:

Вот это расстояние, знаете, оно очень влияет <...> На самом деле, если поеду в Таджикистан, они мимо пройдут, я их не знаю. За 14 лет только еду к себе, к маме-папе. Никого не успеваешь увидеть. Узнаю там пару человек, вот когда мама болеет, маму приходят навестить, вот их узнаю, а остальных увидеть — не узнаю (Саида, Таджикистан, СПб).

Разрывы с родственниками на родине особенно заметны у детей, приехавших в Россию с родителями в раннем возрасте или родившихся здесь. Нередко они даже лично не знакомы с расширенной семьей, а отсутствие

владения родным языком родителей еще больше усложняет общение. Новые технологии позволяют «преодолевать расстояния»: почти все информанты участвуют в семейных чатах, объединяющих большие разветвленные семьи. Однако возможности мессенджеров ограничены. По словам информантов, короткие сообщения или видео-звонки не передают эмоций и не создают ощущения близости. Подлинная эмоциональная связь возможна лишь в личном общении, тогда как цифровая коммуникация воспринимается как вспомогательная, но не равнозначная форма контакта.

С течением времени поездки на родину становятся все реже — главным образом из-за высокой стоимости поездок и загруженности работой. Отказ от регулярных визитов наиболее ясно отражает транснациональные разрывы. Для многих мигрантов такие поездки со временем превращаются в «отпуск», при этом многие хотят внести разнообразие в свои отпускные маршруты: *«Я бы вот в Турцию съездила бы уже. Или в Дубай... Там, говорят, фантастика просто!»* (Алтынай, Кыргызстан, Санкт-Петербург). Алтынай живет в Петербурге около двадцати лет и приезжает на родину в основном на важные семейные события — свадьбы или похороны. Однако, по ее словам, невозможно присутствовать на всех торжествах многочисленных родственников, и все чаще она ограничивается денежным подарком вместо личного визита.

Автономизация нукlearной семьи в миграции проявляется в двух направлениях: уходе от контроля старших родственников и сокращении экономической зависимости. Жизнь на расстоянии позволяет супругам самостоятельно принимать решения и выстраивать собственную повседневность. Для многих женщин миграция стала «побегом» из дома родителей мужа и легитимировала их право жить «своей семьей». Воспоминания о жизни со свекровью и свекром различались — от конфликтных до теплых, но большинство информанток отмечали облегчение от выхода из-под постоянного контроля. Обсуждая изменения в жизни после переезда, информанты часто подчеркивали обретенную самостоятельность: *«Я специально уезжал, чтобы научиться быть самостоятельным и привыкать к трудностям»* (Султан, Узбекистан, Санкт-Петербург). Категория «самостоятельности», звучавшая во многих интервью, отражает процесс семейной автономизации.

Жизнь и работа в миграции позволяют нукlearной семье формировать собственный бюджет, независимый от патрилокальной семьи. Приоритетом становятся расходы на жилье и обеспечение детей, тогда как денежные переводы родственникам постепенно сокращаются и носят эпизодический характер. Информанты с большим стажем миграции отмечали, что помогают родителям и другим родственникам скорее ситуативно, по запросу, а не на регулярной основе. Такие переводы воспринимаются уже не как общий «кошелек семьи», а как помощь близким. Параллельно семьи начинают копить средства на собственные цели — покупку квартиры или строительство дома. что сокращает объемы денежных переводов на родину.

Таким образом, формирование отдельного бюджета и нерегулярность денежных вливаний в родительскую семью свидетельствуют о нарастающем транснациональном разрыве: экономические связи редуцируются до подарков и частной поддержки.

Итак, исследование показало, что жизнь «на расстоянии» травматична и для супругов, и для детей. Совместное проживание в миграции усиливает значение нуклеарной семьи, тогда как с ростом миграционного стажа связи с расширенной семьей ослабевают, формируя разрывы социальной ткани. Поездки на родину становятся редкими и все чаще воспринимаются как «отпуск», а не как воссоединение с семьей. Нуклеарная семья формирует свой собственный бюджет и постепенно автономизируется от патрилокальной семьи, а поддержка родственников на родине сводится к эпизодической помощи и подаркам.

Трансформация семейных практик и внутрисемейных отношений

Миграция меняет уклад жизни семьи: трансформируется повседневность распределяются обязанности, переопределяются отношения между ее членами. Большинство семей, даже после длительного пребывания в России, продолжают жить в съемном жилье. Его временный и «чужой» характер формирует отношение к нему как к месту, а не к дому. Однако совместная жизнь супругов и детей побуждает превращать это пространство во «временно свой дом». Информанты отмечали, что до переезда семьи они жили в одиночку, концентрируясь на заработке и избегая забот о быте. С приездом семьи возникала необходимость в организации домашнего пространства: создании мест для сна, приготовления пищи, уголков для игр и учебы детей. Этот процесс требует значительных ресурсов и вовлечения всех членов семьи.

По рассказам информантов, основная нагрузка по дому по-прежнему ложится на женщин и старших детей. Эта модель распределения обязанностей сохраняется и после переезда. Вовлечение мужчин в «женские дела» воспринимается скорее как помощь:

Он [муж] мне очень помогает... Готовит. Сегодня же видели, какой вкусный плов! Он где-то, если видит, что я запарилась, заработалась, мне некогда, руки не дошли, он делает. Или же я не загрузила, стирка накопилась, он раз-раз-раз. Ну он знает, что надо белое отдельно, цветные отдельно, загрузит, ему это не трудно (Махина, Таджикистан, Тюмень).

Информанты отмечали, что в миграции мужчины стали больше участвовать в домашних делах. Это связано прежде всего с трудовой занятостью женщин: *«В Узбекистане нет, тут помогает. Я просто долго работаю, вот он мне помогает пока. У него рано заканчивается рабочее*

время. Он там пораньше домой идет, вот готовит» (Махигул, Узбекистан Санкт-Петербург). Алтынай (Кыргызстан, Санкт-Петербург) со смехом вспоминала, что сначала муж звонил ей на работу, спрашивая, как пожарить яйцо, а теперь готовит регулярно для всей семьи.

Жизнь вдали от расширенной семьи и общая загруженность способствуют перераспределению обязанностей и укреплению партнерства:

В: А муж готовил в Узбекистане?

О: Нет, никогда.

В: Здесь начал готовить?

О: Здесь. Потому что он по-другому стал <...> Он немножко по-другому стал чуть-чуть ко всему этому относится (Феруза, Узбекистан, Санкт-Петербург).

На вопрос о «главе семьи» информанты чаще всего отвечали стереотипно: муж назывался главой без альтернатив. Особенно четко эту позицию воспроизводили мужчины. Однако обсуждение практик принятия решений показывало иную картину. Так Алтынай (Кыргызстан, Санкт-Петербург) рассказывала, что вопросы поездок на родину, крупных покупок или выбора учебных заведений для детей они обсуждают всей семьей, собираясь вместе на кухне, и решения принимают совместно. Подобные практики могли существовать и до миграции, но именно жизнь в новой стране, отсутствие готовых решений и необходимость объединять усилия способствуют их закреплению. Феруза (Узбекистан, Санкт-Петербург) отмечала, что дома муж не советовался с ней по важным вопросам, а в Петербурге постоянно обращается за ее мнением. Ее статус в семье изменился во многом благодаря знанию русского языка и способности решать бюрократические и бытовые вопросы.

Информанты отмечали, что отношения супругов становятся более партнерскими не только из-за необходимости совместных решений и распределения обязанностей, но и благодаря эмоциональному сближению. Жизнь вдали от родных и друзей усиливает потребность во взаимной поддержке и солидарности. При этом миграция может иметь разные последствия: в одних семьях она укрепляет близость, в других приводит к отчуждению и разводам. Таким образом, миграция проблематизирует отношения супругов, провоцируя их трансформацию в разных направлениях.

Исследователи отмечают, что миграция трансформирует личность и формирует агентность. Информанты также рассказывали о личных изменениях: расширении кругозора, изменении мировоззрения, приобретении уверенности. *«Ну не знаю, все меняется. Даже стиль одежды! Вот все меняется у тебя. Характер. Со временем у тебя вырастают зубы, что ли»* (Гулсалал, Узбекистан, Санкт-Петербург). Наргиза (Узбекистан, Санкт-Петербург) рассказывала, что в миграции перестала быть стеснительной. Повышенная активность и независимость особенно заметны у женщин:

они громче заявляют о собственных желаниях и планах, что в итоге меняет и внутрисемейные отношения.

В условиях трудовой миграции особенно заметно формирование экономического субъекта, прежде всего среди женщин. Большинство информанток сегодня работают, хотя до миграции были домохозяйками. Получая зарплату, они обретают собственные деньги и частичную финансовую независимость. Эти средства можно тратить по своему усмотрению, иногда даже скрывая траты от мужа. Собственные доходы становятся источником свободы и нового опыта субъектности. Финансовая самостоятельность важна и для молодежи: *«Человек взрослым становится, когда у него в кармане появятся свои деньги»* (Хамид, Узбекистан, Санкт-Петербург).

В целом миграционные семьи формируют общий бюджет, объединяя ресурсы для решения крупных и текущих задач. Однако индивидуальные заработки способствуют не только формированию субъектности, но и индивидуализации: члены семьи начинают осознавать и реализовывать личные потребности. Таким образом, одновременно проявляются тенденции солидаризации и индивидуализации, которые переопределяют семью как союз равных и переводят отношения в партнерский формат. Эти изменения характерны не только для молодых, но и для старшего поколения. Алтынай (Кыргызстан, Санкт-Петербург), 54 г., рассказывала, что у нее появились подруги, с которыми она проводит время, и к которым она может уйти, когда *«мужики [муж и сыновья] надоедают!»*. В общий бюджет она вкладывает лишь часть заработка от работы в фастфуде, а доходы от частных уборок оставляет себе. Ее сестры отмечают, что она стала «более европейской», проявляя независимость и самостоятельность в решениях. Для самой Алтынай эти изменения не всегда очевидны, но именно они отражают формирование модели семьи, где партнерские отношения сочетаются с личной автономией.

Несмотря на тенденции к трансформации, большинство информантов подчеркивали отличия своих семей от российских. Воспитание детей строится на большем контроле и запретах, а также на безусловном уважении к страшим. Девушки и молодые женщины отмечали, что по сравнению с российскими ровесницами имеют меньше свободы в передвижении и выборе круга общения и обязаны согласовывать свои действия со старшими или мужчинами. Нарушение этих норм может приводить к острым конфликтам. Так, одна информантка из узбекской семьи тайком ушла из дома, чтобы жить самостоятельно. К моменту интервью она уже год жила с бойфрендом, не поддерживала отношений с родителями и общалась только с сестрой. Ее мать говорила о случившемся очень эмоционально, заявив, что *«вычеркнула дочь из сердца и семьи»*.

Заключение

В фокусе исследования находились мигрантские семьи из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, проживающие в российских городах.

Введение понятия «мигрантская семья» позволяет подчеркнуть ее специфику: в условиях миграции формируются новые семейные формы, изменяются границы и конфигурации семьи, трансформируются внутрисемейные отношения. Целью исследования было выявить, где и по каким причинам происходят эти изменения, а также обозначить основные тенденции. В статье показано, что ключевыми процессами являются транснациональные разрывы расширенной семьи и трансформация повседневных практик и внутрисемейных отношений.

Исследование показало, что жизнь «на расстоянии» тяжело переживается супругами и особенно травматична для детей. Совместное проживание становится необходимым условием сохранения нуклеарной семьи. Полный переезд усиливает ее автономию, с увеличением миграционного стажа связи с расширенной семьей ослабевают формируя разрывы социальной ткани. Поездки на родину сокращаются и все чаще воспринимаются как «отпуск», а не как воссоединение. Коммуникативные технологии не восполняют утрату близости, а денежные переводы родственникам постепенно сокращаются. Нуклеарная семья в миграции формирует свой собственный бюджет, что усиливает ее автономию и углубляет дистанцию с патрилокальной семьей. Со временем «сети истончаются», и феномен транснационализма утрачивает прежнюю силу.

Миграция трансформирует повседневность и переопределяет семейные обязанности. Строительство нового быта и вовлеченность женщин в трудовую деятельность способствует вовлечению мужчин в заботу о доме и нормализации партнерских отношений. Жизнь в новой стране требует совместных решений, разделенной ответственности и солидарности всех членов семьи. В этом контексте категория «главы семьи» утрачивает актуальность. Одновременно возрастает значение взаимной эмоциональной поддержки: трудности могут как укреплять близость супругов, так и вести к отчуждению и разводам.

Ситуация миграции трансформирует личность и формирует агентность. Особенно заметно это у женщин, которые начинают трудовую деятельность наравне с мужчинами и получают собственные деньги. Индивидуальные заработки становятся не только вкладом в общий семейный бюджет, но и источником индивидуализации, что ведет к переопределению семьи как союза равных и формирует партнерские отношения.

Полученные результаты позволяют критически взглянуть на концепции транснационализма и интеграции. Транснационализм имеет свои пределы: с увеличением стажа миграции усиливаются социальные разрывы, несмотря на развитие цифровых технологий. С точки зрения интеграции можно было бы предположить, что мигрантская семья существует в континууме между моделями отправляющего и принимающего обществ. Однако данные исследования показывают возникновение гибридных форм внутрисемейных отношений. Семья постепенно отходит от нормативных моделей, предлагаемых

обществом исхода, одновременно заимствуя отдельные элементы у принимающего общества. Эти изменения нельзя свести к прямому «копированию» — они формируются в самой ситуации миграции, где партнерство и новые практики становятся ответом на вызовы повседневной жизни.

Выражение признательности

Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда No 22–18–00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

- Абашин С. Н. (2012) Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение*, (4): 3–13.
- Абашин С. Н. (2015) Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане. *Ab imperio*, (3): 125–165.
- Авдеева В. П., Бурмыкина О. Н. и др. (2021) *Российская семья и благополучие детей*. М., СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Борисова Е. В. (2016) Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана. *Антропологический форум*, (28): 228–245.
- Бредникова О., Абашин С. (ред.) (2021) *«Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность*. Москва: Новое Литературное Обозрение: 71–103.
- Бредникова О. Е. (2020) Мобильная занятость мобильного субъекта. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (4): 705–720.
- Буторин Г. Г., Крыжановская Н. В. (2015) Деформация семейной системы при миграции. *Общество: социология, психология, педагогика*, (2): 23–27.
- Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. СПб.: Питер.
- Голод С. И. (2008) Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*, (1): 40–49.
- Касимова С. (2012) Таджикиские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин? *Этнографическое обозрение*, (4): 68–81.
- Мукомель В. И., Александров М. В., Барлебен Н. В., Воробьева О. Д. (2011) Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики. *Мир России*, 20 (1): 34–50.
- Пешкова В. М. (2025) Семьи мигрантов из Центральной Азии в России: экспертный дискурс. *Мир России*, 34 (1): 106–129.
- Ривз М. (2009) По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана. *Неприкосновенный запас*, 4 (66). Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3Nu57z> (дата обращения: 7 ноября 2024).
- Темкина А. А. (2008) *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Толстокорова А. (2013) Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины. *Социологическое обозрение*. 12 (2): 98–121.
- Урри Дж. (2012) *Мобильности*. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис».

- Akiner S. (1997) Between Tradition and Modernity — The Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women. In: M. Buckley (ed.) *Post Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press: 261–304.
- Benson M., O'Reilly K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *The Sociological Review*, 57 (4): 608–625.
- Borisova E. (2024) *Paradoxes of Migration in Tajikistan: Locating the Good Life*. London: UCL Press.
- Boyle P., Cooke T. J., Halfacree K., Smith D. (2001) A Cross-National Comparison of the Impact of Family Migration on Women's Employment Status. *Demography*, 38 (2): 201–213.
- Cuban S. (2017) *Transnational Family Communication. Immigrants and ICTs*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) (2018) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*. Cham: Springer.
- Gnanadev N. (2023) Feminization of Migration. In: S. Bala, P. Singhal (eds.) *Diversity, Equity, and Inclusion Efforts of Businesses in Rural Areas*. Pennsylvania: IGI Global: 107–117.
- Hofmann E. T., Buckley C. J. (2013) Global Changes and Gendered Responses: The Feminization of Migration from Georgia. *International Migration Review*, 47 (3): 508–538.
- Karimova S., Azimova N. (2017) Modern Uzbek Family and Marital Relations: A Case Study on Mindon Village, Fergana Province. *CIRAS Discussion Paper*, (69): 45–55.
- Kelly P., Lusis T. (2006) Migration and the Transnational Habitus: Evidence from Canada and the Philippines. *Environment and planning A*, 38 (5): 831–847.
- Kofman E. (2004). Family-Related Migration: A Critical Review of European Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30 (2): 243–262.
- Korpela M. (2014) Lifestyle of Freedom? Individualism and Lifestyle Migration. In: M. Benson, N. Osbaldiston (eds.) *Understanding Lifestyle Migration: Theoretical Approaches to Migration and the Quest for a Better Way of Life*. London: Palgrave Macmillan UK: 27–46.
- Levitt P., Schiller N. G. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *International Migration Review*, 38 (3): 1002–1039.
- McCarthy J.R., Edwards R. (2011) *Key Concepts in Family Studies*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington D. C.: Sage.
- O'Reilly K., Benson M. (2016) Lifestyle Migration: Escaping to the Good Life? In: K. O'Reilly, M. Benson (eds.) *Lifestyle Migration. Expectations, Aspirations and Experiences*. London and New York: Routledge: 1–14.
- Parreñas R. (2005) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*, 5 (4): 317–336.
- Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 217–237.
- Pries L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-First Century*. Oxon, New York: Routledge.
- Roche S., Torno S., Kazemi S. R. (2020) Family Matters: The Making and Remaking of Family during Conflict Periods in Central Asia. *Acta Via Serica*, 5 (1): 153–185.
- Sayad A. (2007) *The Suffering of the Immigrant*. Cambridge: Polity Press.
- Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645 (1): 1–24.
- Yeoh B. S., Lam T., Huang S. (2022) Transnational Families in an Age of Migration. In: B.S.A. Yeoh, F. L. Collins (eds.) *Handbook on Transnationalism*. Edward Elgar Publishing: 182–197.
- Zurabishvili T., Zurabishvili T. (2010) The Feminization of Labor Migration from Georgia: The Case of Tianeti. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2 (1): 73–83.

TRANSFORMATION OF THE FAMILY IN THE CONTEXT OF MIGRATION: FAMILY PRACTICES AND INTERNAL FAMILY DYNAMICS (CASE STUDY: MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN RUSSIAN CITIES)

The family is traditionally regarded as one of the most stable social institutions. Yet migration seriously tests its stability. The experience of Central Asian migrants in Russia demonstrates that familiar ideas about family solidarity, the role of older generations, and gender hierarchies often break down when faced with a new situation. Labour migration transforms the economy and symbolic order of family relations. In the context of 'living at a distance,' ties with the extended patrilocal family weaken, while the nuclear family gains autonomy. Over time, transnational networks become less frequent, and trips back home are increasingly viewed as holidays rather than family reunions. Digital technologies, which might sustain contact, prove insufficient for reproducing emotional closeness. At the same time, however, migration generates new forms as well as disrupting existing ones. The forced redistribution of responsibilities and the need to solve problems together encourage more egalitarian, partnership-like relationships. Women, who were previously dependent on the family budget, now earn independently and thus gain agency. Deprived of the support of the extended family, men take on some of the 'women's' tasks. As a result, practices emerge that would have been unthinkable in the region's patriarchal culture just a short time ago. However, migration produces ambivalent effects. Some families become more cohesive, while others collapse under the strain of separation and everyday hardships. While some women gain new resources for independence, others face even stricter control. These contradictory processes reveal that migration does not fit neatly into the optimistic framework of 'transnationalism' or into an integrationist model of convergence with the host society. Instead, migrant families form hybrid patterns of relationships that cannot be explained by simply borrowing norms from either the sending or the receiving society. These patterns emerge within migration itself, through the daily practices that combine economic challenges, cultural differences, and the necessity of collective survival. Thus, the migrant family becomes a key space of social change, where trends of individualization and solidarity, tradition and innovation converge. It is in this contradictory experience that the main lines of post-Soviet societal transformation lie.

Key words: migrant family, internal family dynamics, migration from Central Asia, transnationalism, autonomization, transnational gaps

Citation: Brednikova O. (2025) Transformatsiya sem'i v situatsii migratsii: semeynye praktiki i vnutrisemeynye otnosheniya (sluchay migrantov iz Tsentral'noy Azii v rossiyskie goroda) [Transformation of the Family in the Context of Migration: Family Practices and Internal Family Dynamics (Case Study: Migrants from Central Asia in Russian Cities)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (2): 233–250.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-233-250

References:

- Abashin S. N. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (4): 3–13.
- Abashin S. N. (2015) Vozvrashchenie domoj: semeynye i migratsionnye scenariy v Uzbekistane [Returning Home: Family and Migration Scenarios in Uzbekistan]. *Ab imperio*, (3): 125–165.
- Akiner S. (1997) Between Tradition and Modernity — The Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women. In: M. Buckley (ed.) *Post Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press: 261–304.
- Avdeeva V. P., Burmykina O. N. et al. (2021) *Rossiyskaya sem' ja i blagopoluchie detej* [Russian Family and Children's Well-Being]. M., SPb.: FNISC RAN.
- Benson M., O'reilly K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *The Sociological Review*, 57 (4): 608–625.
- Borisova E. (2024) *Paradoxes of Migration in Tajikistan: Locating the Good Life*. London: UCL Press.
- Borisova E. V. (2016) Roditel'stvo na rasstojanii: transnatsional'nye praktiki v sem'jah migrantov iz Tadzhikistana [Parenting at a Distance: Transnational Practices in Migrant Families from Tajikistan]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], (28): 228–245.
- Boyle P., Cooke T. J., Halfacree K., Smith, D. (2001) A cross-national comparison of the impact of family migration on women's employment status. *Demography*, 38(2): 201–213.
- Brednikova O. (2021) 'Zhivu, postojanno ogljadyvajas': doing everyday transnationalism ['I Live, Constantly Looking Over My Shoulder': Doing Everyday Transnationalism]. In: O. Brednikova, S. Abashin (eds.) *'Zhit' v dvuh mirah': pereosmysljaja transnatsionalizm i translokal'nost'* ['Living in Two Worlds': Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie: 71–103.
- Brednikova O., Abashin S. (eds.) (2021) *'Zhit' v dvuh mirah': pereosmysljaja transnatsionalizm i translokal'nost'* ['Living in Two Worlds': Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Brednikova O. E. (2020) Mobil'naja zanjatost' mobil'nogo sub'ekta [Mobile Employment of a Mobile Subject]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18 (4): 705–720.
- Butorin G. G., Kryzhanovskaja N. V. (2015) Deformatsiya semejnoy sistemy pri migratsii [Deformation of the Family System during Migration]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], (2): 23–27.
- Cuban S. (2017) *Transnational Family Communication. Immigrants and ICTs*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) (2018) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*. Cham: Springer.
- Giddens A. (2004) *Transformatsiya intimnosti: seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. SPb.: Piter.
- Gnanadev N. (2023) Feminization of Migration. In: S. Bala, P. Singhal (eds.) *Diversity, Equity, and Inclusion Efforts of Businesses in Rural Areas*. Pennsylvania: IGI Global: 107–117.

- Golod S. I. (2008) Sociologo-demograficheskij analiz sostojanija i jevoljucii sem'i [Sociological and Demographic Analysis of the State and Evolution of the Family]. *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], (1): 40–49.
- Hofmann E. T., Buckley C. J. (2013) Global Changes and Gendered Responses: The Feminization of Migration from Georgia. *International Migration Review*, 47 (3): 508–538.
- Karimova S., Azimova N. (2017) Modern Uzbek Family and Marital Relations: A Case Study on Mindon Village, Ferghana Province. *CIRAS Discussion Paper*, (69): 45–55.
- Kasymova S. (2012) Tadzhikskie zhenshhiny v trudovoj migracii: vyznuzhennaja taktika vyzhivaniya ili vybor svobodnyh zhenshhin? [Tajik Women in Labor Migration: A Forced Survival Tactic or a Choice for Free Women?] *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (4): 68–81.
- Kelly P., Lusis T. (2006) Migration and the Transnational Habitus: Evidence from Canada and the Philippines. *Environment and planning A*, 38 (5): 831–847.
- Kofman E. (2004). Family-Related Migration: A Critical Review of European Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30 (2): 243–262.
- Korpela M. (2014) Lifestyle of Freedom? Individualism and Lifestyle Migration. In: M. Benson, N. Osbaldiston (eds.) *Understanding Lifestyle Migration: Theoretical Approaches to Migration and the Quest for a Better Way of Life*. London: Palgrave Macmillan UK: 27–46.
- Levitt P., Schiller N. G. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *International Migration Review*, 38 (3): 1002–1039.
- McCarthy J.R., Edwards R. (2011) *Key Concepts in Family Studies*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington D. C.: Sage.
- Mukomel V. I., Aleksandrov M. V., Barleben N. V., Vorobyeva O. D. (2011) Integracija migrantov: vyzovy, politika, social'nye praktiki [Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 20 (1): 34–50.
- O'Reilly K., Benson M. (2016) Lifestyle Migration: Escaping to the Good Life? In: K. O'Reilly, M. Benson (eds.) *Lifestyle Migration. Expectations, Aspirations and Experiences*. London and New York: Routledge: 1–14.
- Parreñas R. (2005) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*, 5 (4): 317–336.
- Peshkova V. M. (2025) Sem'i migrantov iz Central'noj Azii v Rossii: jekspertnyj diskurs [Families of migrants from Central Asia in Russia: expert discourse]. *Mir Rossii* [World of Russia], 34 (1): 106–129.
- Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 217–237.
- Pries L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-First Century*. Oxon, New York: Routledge.
- Reeves M. (2009) Po tu storonu jekonomicheskogo determinizma: mikrodinamika migracii iz sel'skogo Kyrgyzstana [Beyond Economic Determinism: The Microdynamics of Migration from Rural Kyrgyzstan.]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency Reserve], 4 (66). Available at: <http://clck.ru/3Nu57z> (accessed 7 November 2024).
- Roche S., Torno S., Kazemi S. R. (2020) Family Matters: The Making and Remaking of Family during Conflict Periods in Central Asia. *Acta Via Serica*, 5 (1): 153–185.
- Sayad A. (2007) *The Suffering of the Immigrant*. Cambridge: Polity Press.
- Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645 (1): 1–24.
- Temkina A. A. (2008) Seksual'naja zhizn' zhenshhiny: mezhdunarodnyj kontekst i svobodoj [Women's Sexual Life: Between Subordination and Freedom]. Sankt-Peterburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge.
- Tolstokorova A. (2013) Transnacional'naja i gendernaja paradigmy v izuchenii mezhdunarodnoj mobil'nosti: na primere Ukrainy [Transnational and Gender Paradigms in the Study of International Mobility: The Case of Ukraine]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 12 (2): 98–121.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis.
- Yeoh B. S., Lam T., Huang S. (2022) Transnational Families in an Age of Migration. In: B.S.A. Yeoh, F. L. Collins (eds.) *Handbook on Transnationalism*. Edward Elgar Publishing: 182–197.